

Музыка

Он трижды пережил клиническую смерть. У него изменилось ощущение времени.

Жизнь указывает источник, где можно обрести новые силы.

Слушать жизнь и себя

АЛЬФРЕД ШНИТКЕ,
композитор

Двадцатый век достаточно испытывал человечество — войны, кризисы, безработица, надвигающаяся экологическая катастрофа... Мы слишком долго были все разобщены, пытались бороться в одиночку. Может быть, страдания сделали нас мудрее, но сегодня наступило время как бы всеобщей встречи. Художники самых разных ориентаций озабочены едиными проблемами, они стремятся узнать и понять друг друга.

Я никогда не был в Италии, но верю — этот день впереди. Я увижу Италию, услышу музыку Луиджи Ноно, яркого современного композитора, чье творчество, я думаю, оказало влияние на развитие музыкального процесса не только у нас в стране, но и во всем мире.

Во всяком случае я испытываю его влияние необычайно сильно с шестидесяти четвертого года. Многим обязан Луиджи Ноно и в музыкальном развитии, и в оценке музыки в целом. Я слышал его сочинения и в „живом“ исполнении, но гораздо больше — в записях. Сильнейшее впечатление испытал от струнного концерта „Штилле ан Диотима“. Концерт был записан на пластинке. Сочинение совершенно удивительное. Музыку невозможно объяснить словами и все же попытаюсь. В концерте как бы два пласта: слышимый, сформулированный в нотах, и не слышимый, то есть в нем много пауз, тишины. Но тишина эта необыкновенная — она звучит. Конечно, это иллюзия, но воздействует необычайно сильно. Луиджи Ноно бывал у нас в стране. Я с ним знаком. Весной этого года он был на моем концерте в Москве. Луиджи Ноно, по-моему, критически относится к моей музыке, но мне его мнение чрезвычайно интересно. Если жизнь будет снисходительна, то я надеюсь, что нам еще предстоит встречи. Я очень на это надеюсь, потому что художественные контакты — воздух искусства.

Сейчас много говорят об утрате духовности. Я не разделяю подобных опасений. То, что мы принимаем за утрату духовности, скорее внешняя утрата каких-то стереотипов восприятия и нащупывания новых форм проявления и в словах, и в поведении. Сейчас время смены старых форм на новые, и это тоже можно рассматривать как некий итог, новый духовный опыт, если хотите. Этот духовный опыт всегда неожиданность и всегда сулит что-то новое. Иное дело, что духовный опыт прошлого, унаследованного человечеством и в религии, и в философии, и в искусстве временами превращается из вечно живого и развивающегося во что-то застывшее. Тогда начинает казаться,

что он бесполезен и мертв для сегодняшнего дня. Но я верю, что все живет и ничто не умирает, только засыпает на какое-то время, но потом непременно пробуждается и дает неожиданные ростки.

Когда-то Нейгауз сказал, что бороться с человеческим духом бесполезно и бессмысленно. Я не знаю, имел ли он в виду действительно человеческий дух, или что-то иное, может быть, дух божественный, божеский. Время людей, их судьба находится во взаимосвязи и в зависимости с жизнью какого-то иного космического мира, который иногда очень заметно, а иногда менее заметно дает о себе знать. Это ощущение трудно объяснить, но его, как и я, испытывают, наверное, многие. Поэтому я не стал бы говорить о духе человеческом изолированно от того, что мы называем духом

На
странице
42:
из
советской
школы
танцев
вышли
великие
балерины

Словами
трудно
передать
волшебные
звуки
музыки.
Верди
и Россини,
Беллини
и
Доницетти
вошли
навеки
во
всемирную
музыкальную
культуру.

в более широком смысле слова. Если же сузить это понятие только до человеческого духа, то для поддержания его мощи есть книга книг. В ней все написано, и каждый для себя может вывести те нравственные законы, по которым будет выверять свою жизнь. И у меня есть такие законы, но это не значит, что существует раз и навсегда затверженный кодекс правил, которым я сознательно следовал. Естественно, что основные положения останутся в нем неизблемыми — честь, совесть, элементарная порядочность, но все-таки окончательно этот кодекс не может быть определен. Жизнь слишком сложна, и все время в каждом решении нас поджидает неожиданный поворот, который раньше

не был, да и не мог быть учтенным, потому что мы просто не подозревали о нем, и как только нам является этот пово-

рот, правило перестает быть абсолютным в эту секунду — и заставляет нас искать выход, не нарушая основ — чести и совести. Но как бы то ни было, человек, на мой взгляд, всегда должен оставаться человеком, а это значит — помнить и быть снисходительным не только к себе, но и к другим. Вот это, пожалуй, самая главная и неизменная моя заповедь.

Может быть, еще и потому я так по-особенному обостренно воспринимаю жизнь, что трижды побывал там, откуда смертные не возвращаются, трижды у меня была клиническая смерть.

Это было страшно.

Оставленная жизнь казалась счастьем, даже не думал, смогу ли работать, ходить, жив — это главное. Но я, слава богу, и работаю, и хожу. Единственное, что изменилось, — мое ощущение времени.

Я стал его ощущать снова, как в детстве, когда каждая минута, час, день имеют собственную ценность. Почему? Да потому, что все, что происходит с нами, в детстве воспринимается серьезно и с удивлением. Мы познаем мир, и каждое мгновение нас чему-то учит.

Позже нас захватывает центробежная сила суеты, и появляются иные, кажущиеся нам более ценными мерила нашей жизни, а про саму жизнь мы забываем.

А надо ее слышать и слушать. Она мудра и жестока, она может ввести в заблуждение, но сама же потом подскажет выход и укажет источник, где можно обрести новые силы. Каждому человеку в этой жизни отведено какое-то место. Многие страдают оттого, что так и не нашли себя, а ведь у каждого свое предназначение. Как его угадать! Слушать жизнь и себя.